

— Хозяин!

— Господин Цуй!

Дядя Цю и Лу Фэн выкрикнули это одновременно и бросились вперед.

Старик подхватил выпавшее огниво, а Лу Фэн поддержал Цуй Яна. Коснувшись его тела, парень вздрогнул — кожа была ледяной. Испугавшись, он тут же проверил дыхание. Слава богам, еще дышит!

Дядя Цю, вспомнив слова Лу Фэна, тревожно спросил:

— Неужели он лежит в бессознательном с того самого дня, как ты ушел?

Лу Фэн не решался ответить «да». Пролежать два дня и две ночи, и чтобы никто не заметил... Опоздай они хоть на шаг — и застали бы холодный труп.

— Я сбегаю за наставником из храма, — только и вымолвил он.

В деревне Пиньян не было лекаря, лишь один монах немного смыслил в медицине. С легкой хворью он бы справился, но Цуй Ян был слишком плох — тут сил простого монаха явно не хватило бы.

Дядя Цю зашагал по двору, лихорадочно соображая, и наконец решил:

— Сделаем так: я ночью отправлюсь в Юэчжоу. Как только на рассвете откроют ворота, пойду на склад лавки Чжэньпиньцзай к управляющему Ли. У них связи повсюду, он поможет найти хорошего врача.

Лу Фэн согласно кивнул, но тут же возразил:

— Дорога в ночи опасна. Лучше пойду я, я моложе.

Дядя Цю покачал головой:

— Хоть ты и молод, а ночных троп не знаешь, заплутаешь. Не дай бог с тобой что случится — как я твоей матери в глаза смотреть буду?

Лу Фэн порывался спорить, но старик был непреклонен.

Он наскоро соорудил факел из хвороста, зажег его и уже у порога бросил последние наставления:

— Скорее перенеси его в дом. Обязательно разожги жаровню, ему нужно согреться. Если сможешь накормить — свари отвар из сушеного бамбука.

Лу Фэн кивнул. Он собирался закинуть больного на плечо, но, приподняв его, поразился: этот человек, который ростом почти не уступал ему самому, оказался пугающе легким и хрупким.

«Тащил на себе такие тяжелые корзины, шел по горным тропам... Неудивительно, что слег», — подумал он, подхватывая Цуй Яна на руки. Он понес его в западную комнату, которую тот отвел под жилье.

Внутри всё выглядело еще печальнее. В тусклом свете огнива Лу Фэн увидел, что в отремонтированном доме почти нет мебели — лишь голая дощатая кровать.

Зажиточные жители деревни спали на плетеных матрасах; у Бао Цюшэна такие были, но он пожадничал отдать их Цуй Яну, утащив на второй этаж. Внизу осталась лишь грубая сосновая рама.

Цуй Ян был холоден как лед, и лежать на голых досках ему было нельзя. Лу Фэн скинул верхнюю одежду, подложил ее под бок больному, а сам со всех ног бросился домой за своим одеялом.

Семья их жила бедно: у парня было всего одно одеяло, и накрыть, и подстелить его одновременно не получалось — не хватало длины.

Данян Лу подсказала сыну:

— Господин Цуй — человек обстоятельный. Раз он собрался тут жить, наверняка привез постель с собой.

И действительно, в корзинах с рыбой Лу Фэн обнаружил тюфяк, шерстяное одеяло, простыню и сменную одежду.

Он мигом перестелил постель. В соседней каморке нашел жаровню, принес из дома углей и раздул едва теплящиеся искры из очага.

На кухне нашёлся огарок свечи, поднесённый когда-то богу очага. Когда огонек затрепетал, в комнате наконец стало тепло и светло.

Цуй Ян лежал на спине, не шевелясь. Свет свечи падал на его лицо — бледное, лишенное

жизни, будто маска мертвеца.

Лу Фэн смотрел на него, и вдруг в его сознании вспыхнула картина: кто-то так же неподвижно лежит, а маленький ребенок в тонкой рубашонке, по детскому неразумию, изо всех сил толкает спящего.

Вокруг люди, они пытаются удержать малыша: «Хватит, не трогай его...»

Но ребенок не слушает, толкает еще сильнее, что-то несвязно выкрикивая.

«Он умер!» — кто-то не выдержал и оборвал крик ребенка.

И тогда малыш зашелся в рыданиях — в страшном, надрывном вопле, похожем на звериный рык.

Лу Фэн вздрогнул. У него не было времени гадать, откуда взялись эти видения. Он быстро подошел к Цуй Яну и снова проверил дыхание.

Жив! Дышит, и под челюстью бьется слабый пульс.

Лу Фэн с облегчением вздохнул и уже хотел убрать руку, как вдруг Цуй Ян дернулся. Он страдальчески нахмурился, его губы задрожали, он что-то зашептал. Лу Фэн придвинулся ближе, ловя каждое слово.

Голос был едва слышен. Прошло немало времени, прежде чем парень разобрал обрывки фраз: «уйти»? «чужие»?

Лу Фэн ничего не понял, но поспешил успокоить:

— Господин Цуй, это я, Лу Фэн. Проходил мимо, увидел дверь открытую, заглянул — а вы на полу. Я перенес вас в дом, дядя Цю пошел за лекарем. Лежите спокойно.

Цуй Ян, казалось, услышал. Губы перестали дрожать, но он нахмурился еще сильнее, будто он пытался в чем-то разобраться.

Вскоре он начал качать головой. Сил совсем не осталось, и там, где он вкладывал всю мощь своего желания, со стороны виделось лишь едва заметное движение.

Эта пропасть между волей и немощью терзала Цуй Яна в его кошмаре. Лоб его покрылся крупными каплями пота.

Лу Фэн вытер пот ладонью и замер: кожа была ледяной.

Холодный пот?

Парень встревожился. Его мать часто болела, он годами ухаживал за ней и поневоле набрался опыта.

Монах в храме говаривал: если больной без чувств, а тело его леденеет и покрывается холодным потом — жди беды. Это верный знак того, что жизнь уходит.

Лу Фэн засуетился. Он снова сбегал домой, притащил охапку свежей соломы, которую нарезал днем в горах, и подложил ее под матрас толстым слоем. Сверху укрыл Цуй Яна обоими одеялами.

Но это не помогало.

Цуй Ян оставался холодным, а пот лил так сильно, что одежда промокла насквозь.

Лу Фэн принес дрова, разжег огонь и согрел воды. Нашел в вещах Цуй Яна полотенце, смочил его, выжал и принялся обтирать больного.

Тепло ткани принесло Цуй Яну мимолетное облегчение, теснившая грудь мука немного отступила.

Но лишь на мгновение. Полотенце было маленьким: пока согреешь руки — остынут ноги; пока займешься ногами — леденеет голова.

Лу Фэн понял — так не пойдет. Он мог метаться до рассвета, но толку не будет. К тому же ткань влажная, постель скоро отсыреет, и, когда вода остынет, станет только хуже.

Он вспомнил способ, о котором когда-то рассказывал монах: если больной никак не может согреться, нужно, чтобы кто-то лег рядом и отогрел его своим телом.

Лу Фэн посмотрел на Цуй Яна, потом на себя.

Оба мужчины — разве это не лучший выход? Он быстро скинул куртку и забрался под одеяло.

Коснувшись рук и ног Цуй Яна, Лу Фэн едва не отпрянул — они были холоднее зимней проруби. Он прижал человека к себе, пытаясь поделиться собственным жаром.

Но Цуй Ян вдруг начал сопротивляться.

Даже в беспмятстве он почувствовал тепло чужого тела. Кто это? Что ему нужно? Где он вообще?

Страх захлестнул его, и он отчаянно забился.

Откуда только взялись силы? В бреду он выплеснул всё, что оставалось.

Лу Фэн опешил. Только что человек лежал пластом, а теперь бьется как пойманная птица.

Он не смел уйти: Цуй Ян был слишком холоден, без тепла он просто не дотянет до утра.

— Господин Цуй, — позвал он, — вы совсем замерзли, вам нужно согреться.

«Господин Цуй?» — Цуй Ян нахмурился. Кто это? Что значит «согреться»? Что ты задумал?

Он забился еще яростнее, а с губ сорвался хриплый крик:

— Уйди... Уйди! Ты кто такой?

— Господин Цуй, это я, Лу Фэн. Неужели не помните? — поспешно заговорил парень.

— Лу... — Цуй Ян замер в замешательстве. Сознание путалось, он не понимал, где находится и что произошло.

— Лу Фэн из каменоломни! Вспоминайте! Вы же покупали у нас камень, — продолжал убеждать парень.

Каменоломня? Лу? Цуй Ян затих. В памяти всплыл образ из далекого прошлого. Он знает его. Это друг детства, названный брат.

Он приоткрыл рот и, будто ища подтверждения, прошептал:

— Да... Даню-гэ?

— Да, это я. Мое детское имя — Лу Даню, — отозвался парень. В пылу спасения он даже не задумался, откуда Цуй Ян может знать его прозвище.

Услышав подтверждение, Цуй Ян окончательно успокоился. Перестав бороться, он покорно прижался к плечу парня, подтянув колени и сжав кулаки у груди.

Он стал похож на маленького кролика, прижавшего уши.

Лу Фэн смотрел на него в оцепенении. Почему-то поза Цуй Яна казалась ему до боли знакомой. Словно когда-то давно кто-то так же доверчиво засыпал рядом с ним.

«Нет, бред какой-то», — тут же отогнал он эту мысль. Всю жизнь он жил только с матерью, в их доме никогда не было никого третьего. Кому там было спать рядом?

«Точно, от усталости в голову всякая чушь лезет», — решил он.

Лу Фэн устроился поудобнее, согревая постель. Заметив, что губы Цуй Яна совсем пересохли, он вспомнил совет дяди Цю.

Парень выбрался из-под одеяла, достал принесенный из дома сушеный бамбук, заварил его кипятком и поднес к постели. Приподняв Цуй Яна, он мягко произнес:

— Выпей отвара, потом поспишь.

Цуй Ян послушно прильнул головой к его груди. Не открывая глаз, он пил маленькими глотками, а его длинные густые ресницы подрагивали, отбрасывая красивые тени на бледные щеки.

Лу Фэн смотрел сверху вниз. С такого расстояния черты лица больного казались еще тоньше: изящные брови, прямой нос... удивительно красиво.

Он снова поймал себя на мысли, что Цуй Ян краше любой девушки в их деревне. Да что там деревня — пожалуй, во всем уезде Шаньнань не найти лица прекраснее.

После отвара Цуй Яну стало легче, он заснул крепким, спокойным сном.

Глубокой ночью он сильно пропотел. Лу Фэн поднялся, обтер его, сменил рубаху, и к утру тело больного наконец потеплело. Но Цуй Ян всё не просыпался.

Лу Фэн так и остался лежать рядом. Ночь выдалась тяжелой, усталость навалилась свинцовым грузом, и сам не заметив как, парень провалился в сон.

Когда он открыл глаза, солнце уже стояло высоко. Яркие лучи заливали часть двора, а один золотистый поток пробивался сквозь щель в двери, падая на кровать и стоящий неподалеку стол.

Лу Фэн зажмурился, голова была тяжелой после бессонной ночи. Скользнув взглядом по

солнечным пятнам, он внезапно замер. На стуле кто-то сидел.

Черная кожа, покрытая странными золотыми узорами, глаза светятся янтарным огнем. Выражение лица надменное, нога закинута на ногу, руки скрещены на груди. Сидит и смотрит в упор.

Чистый Хэй Учан — Черный Жнец из старых пьес!

Лу Фэн похолодел. Не раздумывая, он прижал Цуй Яна к себе покрепче — нельзя позволить жнецу забрать его душу!

«Черный Жнец» насмешливо взглянул, будто забавляясь увиденным.

Сердце Лу Фэна ушло в пятки. Он сжался в комок, закрывая собой больного.

В этот момент Цуй Ян, потревоженный сильным объятием, очнулся. Ему было тяжело открыть глаза, тело болело. Перед глазами была не привычная ткань полога, а чужая одежда — явно не его.

«Подождите... Если не моя, то чья?»

Цуй Ян вздрогнул, мгновенно приходя в себя. Он еще не успел ничего сказать, как почувствовал, что во всем теле — странная слабость и ломота.

Страшная догадка вспыхнула в мозгу. Он побледнел. Да быть не может!

Цуй Ян резко вскинул голову. Лу Фэн, почувствовав движение в руках, тоже склонился к нему.

Их взгляды встретились.

Цуй Ян онемел.

«Лу Фэн? Почему я в объятиях Лу Фэна? Неужели эта слабость и боль... из-за того, что он со мной сделал?»

«Да как же так? Он ведь только что хотел от меня отгородиться... Неужели передумал?»

«Да нет! Даже если передумал, не мог же он сразу... вот так сразу сделать это постыдное... Господи, я же ничего не помню!»

Цуй Ян густо покраснел.

Лу Фэн растерялся.

«Чего это он? Тут за ним смерть пришла, а он краснеет?»

— Ха! Ха-ха-ха! — темнокожий мужчина наконец не выдержал. Он расхохотался, одной рукой держась за живот, а другой хлопая по столу. — Не зря я примчался спозаранку. Такую комедию грех было пропустить!

<http://bllate.org/book/17486/1711879>